

Чудовище

Дмитрий Никитин

Старик шел медленно, размышляя вслух. Он не умел думать иначе — неслышно для других. Они, идущие за ним следом, тоже доносили до всех свои мысли. Для всех, кто умел слушать и понимать многоголосую думу-беседу в шуршании тяжелых ступней по сухой красной земле.

Настроение семьи сегодня было приподнятым. Даже недавно приставший Одинец выбивал в общем топоте что-то угрюмо-радостное. Хотя, может, просто так шлепал ногами, поскольку был глуп и малословен. Этой ночью Пожиратель обошел семью стороной, найдя себе другую жертву. Но впереди ведь и другие ночи!

Всего два врага было раньше у семьи — засуха и люди. Однако засуха не страшна, если умеешь добыть воду и отыскать еще не увядшую зелень. Ну, а люди... Эти свирепые хищники, похожие на ощипанных страусов, теперь охотятся больше друг на друга. Прочие же звери семье не опасны.

Так думал Старик, пока не появился Пожиратель. Среди историй, переходивших из поколения в поколение, были полузабытые сказания о чудовищах, которые подстерегали в ночи далеких предков семьи. Был ли Пожиратель таким существом, или он пришел в саванну впервые, как появились здесь однажды люди, — этого не знали ни Старик, ни идущие за ним следом слоны.

В маленький сафари-кар набились, как сельди в бочку. У кое-кого возникли и другие аналогии. Смуглый красавец Гишу проводил взглядом слоновье стадо за ветровым стеклом и белозубо улыбнулся Эмме — своей соседке справа:

— А у нас тут прямо как в Ноевом ковчеге — каждой твари по паре!

Эмма поморщилась. Она не собиралась себя, сотрудницу солидной информкомпани, ставить на одну доску со скандальным репортером. Промолчали и сидевшие позади научные эксперты — пожилой Франц и молодой конопатый Алан, зачарованно следивший за хвостиком русых волос над загорелой шейкой Эммы.

Реплику журналиста поддержал инспектор Хэл, невзначай придавив его литым плечом.

— Неувязка у вас выходит, Гишу, — сказал он, вырливая вокруг серых гигантов. — Я-то остался без пары!

— Ну так берите динозавра, ради которого мы здесь!

— Это не динозавр, — проскрипел сзади Франц. — Ему здесь просто спрятаться негде, как в пресловутом Лох-Нессе. Гладкая равнина...

— Зато, в отличие от Лох-Несса, — Гишу повернулся к пожилому эксперту, — здесь динозавру есть чем прокормиться!

— Расчет кормов у нас сейчас плохо, — нахмурился Хэл. — Засуха. Хотя хищникам как раз раздолье. Будет некоторое время...

— Так мы и имеем дело с явным хищником, — подхватил Гишу. — А спрятаться не проблема. Говорят же, что раненый лев забьется туда, где и заяц не поместится.

ФАНТАСТИКА

— То лев, — хмыкнул инспектор. — А то громадина, что через день закусывает слонами. В этом-то и загвоздка! У нас в заповеднике, хотите знать, всё под контролем. Патрульные дроны ведут аэросъемку, ночью — тепловизорами. Данные с камер поступают в центральный компьютер. У него каждая скотина крупнее кошки на учете. И при всем этом — никаких следов такой здоровенной зверюги! Только то, что остается от тех, на кого он напал. Одних слонов, не считая молодняка, сожрал уже голов двадцать.

— И все-таки, — вступила в разговор Эмма, — почему именно динозавр? Мало ли кто...

— Да никто, кроме них! — Алан придвинулся вперед, поближе к журналистке. — Ни одному современному хищнику взрослый слон не по зубам. А вот крупные тероподы, в принципе, могли бы на слонов охотиться. Если бы, конечно, дожили до наших дней.

— Что значит «если бы»?! — Гишу ревниво покосился на молодого эксперта. — О динозаврах в Африке давно известно. В джунглях Конго, по рассказам местных, живет мокеле-мбемба. Ну, он вроде на диплодока похож. Зато в озерах Уганды водится хищный лувкате, а в болотах Замбии — чипекве. Кстати, чипекве и переводится с тамошнего наречия как «убийца слонов».

— Бегемотов, — поправил с улыбкой Алан. — Чипекве значит «пожиратель бегемотов».

— Всё это байки так называемых криптозоологов! — отмахнулась Эмма. — Сомнительные выводы из местных суеверий. Погоня за дешевой сенсацией, и ничего больше.

— Зря вы так! — возразил Алан с мягкой укоризной. — Криптозоология — серьезная наука. Да и легенды об огромных неизвестных животных — это больше для лесной зоны характерно. Про динозавров в саваннах я не слышал.

Инспектор Хэл тоже о таком ничего не слышал. Впрочем, здесь и рассказчиков особо не осталось. После гражданской войны местным неинтересны истории о сказочных чудовищах. Они видели вещи пострашнее.

Кар остановился перед стеной обесцвеченной солнцем травы, высотой в два человеческих роста. После кондиционированного воздуха кабины жара снаружи сдавила горячими тисками. По протоптанной в сухих зарослях узкой тропе они направились к роце зонтичных акаций, на которых колючек было больше, чем листьев. Все сильнее и нестерпимее пахло кровью.

— Это последний случай, — пояснял на ходу инспектор. — Повезло, что обнаружили рано, до падальщиков. Я выставил охрану, чтоб отгонять птиц.

Эмма раздвинула ломкие стебли, взглянула и тут же согнулась пополам, мучительно борясь с рвотой. Другие, пораженные увиденным, не обращали на нее внимания, только Алан сочувственно похлопал по спине и протянул влажную салфетку.

В ободранной до ребер, грубо выеденной туше с трудом угадывался жираф. Большое, когда-то красивое животное будто скрутили в нелепый узел изломанных ног, изжеванной пятнистой шеи.

— В принципе, его мог завалить большой лев, — произнес Хэл, подзывая серого от страха чернокожего егеря с гранатометом в трясущихся руках.

— А по внешнему виду — будто поработали крокодилы, — заметил Алан.

— В ста милях от ближайшего водоема? — Франц внимательно оглядывал землю под ногами. — Жалко, слоны натоптали, ничего не разобрать...

— Или хищник перемещался по воздуху, — усмехнулся молодой эксперт.

— Птица Рух! — пробормотал Гишу, задирая голову. В эмалево-синем небе кружили зловещие тени грифов. — Как раз в этих местах, по арабским сказаниям, жила огромная птица, которая охотилась на слонов.

— Нет, хищник был наземный. — Франц залез на тушу и что-то там измерял.

— Что еще о нем можете сказать, профессор? — спросил Алан.

— Еще? — Франц окинул останки задумчивым взглядом. — Судя по силе удара, атакующий жертву агрессор весит не менее четырех и не более пяти тонн, его высота по месту первого укуса примерно два метра. Ширина челюстей около сорока сантиметров.

— Тираннозавр-рекс! — произнес ликующим шепотом, словно боясь спугнуть удачу, Гишу. — Величайший наземный хищник, живший на Земле сто миллионов лет назад. Сенсация столетия!

— По весу соответствует, но для тираннозавра низковат, — спокойно возразил Алан. — И не сто миллионов, вы у себя там поправьте.

— Вы судите по высоте пасти, а он мог и нагнуться, чтобы схватить поудобнее.

— Тирекс для начала перекусил бы жирафу шею, а не стал бы сгибаться, чтобы вцепиться в грудную клетку.

— Полагаю, это четвероногое, — перебил их Франц. — И определенно млекопитающее, а не рептилия.

— Почему не рептилия? — спросил резко Гишу. — С чего вы взяли?

— Дифференцированность зубного аппарата. У пресмыкающихся такого нет. Хищник снабжен очень мощными, длинными клыками, которые нанесли чрезвычайно глубокие ранения. Некоторые — с проникновением в тело жертвы на десять и более сантиметров. Странная, признаюсь, картина. Впечатление, словно на жирафа напали разом два животных. Очень большой рогатый копытный и плотоядный зверь, который вырывал из жертвы огромные куски мяса...

— Так жирафа забодали? — переспросил Гишу и тут же расплылся в улыбке. — Тогда я знаю, кто это такой! Это цератозавр, ящер-носорог. Рогатого чипекве считают как раз цератозавром.

Алан покачал головой:

— Рог цератозавру служил украшением, а не оружием. Хотя зубы у него как раз длинные. Самый саблезубый из тероподов. Но он не охотился на крупную дичь. Да и сам весил куда меньше четырех тонн.

— Делать конкретные выводы считаю преждевременным, — сухо сказал Франц. — Впрочем, мне лично по методике атаки представляется нечто близкое к кабану, только увеличенному в пропорциях на порядок.

— Энтелодонт? — предположил Алан.

— Кто это? — тихо спросила Эмма.

— Древнее хищное свинообразное размером с буйвола, — пояснил Алан. — Жил сорок миллионов лет назад. Нет, наш все равно покрупнее.

Подошел инспектор Хэл:

— Извините, что вмешиваюсь, но с нашей системой мониторинга этого вашего цератозавра или энтелодонта мы бы обязательно обнаружили.

Франц пожал плечами:

— Я сам был настроен скептически, но таковы факты. Примерные вес и размеры животного установлены по строго научной методике. Оставленные на теле жертвы следы дают все основания говорить о величине нападавшего.

— С радостью бы вам поверил, но показаниям камер наблюдения я верю больше. Имеются аэроснимки этого района непосредственно до и после происшествия. Никакого гигантского хищника на них нет. Только самые обычные животные.

— Выходит, жираф сам себя загрыз! — натянуто засмеялся Гишу.

— Вы ставите под сомнение мою компетентность? — Франц поднял брови. — Я бы хотел ознакомиться с вашими снимками

— На базе у вас будет допуск ко всем нашим данным. Если вы закончили, можем отправляться прямо сейчас.

Инспектор Хэл любовался со смотровой площадки вечерней саванной. Багровый солнечный диск наполовину скрылся за горизонтом, сделав контрастно-черными силуэты деревьев и пасущихся между ними животных. Можно было даже разглядеть частокол тонких рогов бредущего стада ориксов. Хэл мысленно нарисовал над ними оскаленный профиль тираннозавра. Картинка из фантастического фильма. Кстати, в одном из них был динозавр, способный становиться невидимым, сливаться, как хамелеон, с окружающим фоном. Инспектор поежился. Вот ведь лезет всякая дурь в голову! Следы такой все равно бы оставил, а следов в саванне не было.

— Не помешаю? — спросила, подойдя сзади, Эмма.

— Нет. Я все равно уже ухожу!

— Не торопитесь! — удержала инспектора журналистка. — Мне кажется, вся эта история — искусная мистификация.

— Простите?

— Гишу и другие приехали сюда, чтобы сфабриковать доказательства существования в Африке живого динозавра.

— Думаете, им по силам устроить то, что вы видели? Это не фотографии подделать или там отпечатки лап. Вы представляете, как это сложно — пробраться в заповедник, убивать и калечить слонов и жирафов, да еще при этом не попасть в поле зрения наших телекамер. И такие усилия ради пары статеек?

— Не ради статеек. — Эмма продолжила еле слышным шепотом: — Это дело большой политики!

Инспектор неуверенно улыбнулся, подозревая шутку.

— Да, да! Если в мировой прессе поднимется шум, что здесь живут динозавры, перед ООН поставят вопрос о передаче территории проживания таких уникальных животных под международный контроль. Вернее, под контроль какой-нибудь транснациональной корпорации. Динозавров тут на самом деле нет, но вот уран или еще что-то вполне может быть...

— Послушайте, Эмма! Заповедник и сейчас фактически под патронажем ООН. Иначе как бы мы сохранили животных при всех местных переворотах? И нас действительно курируют корпорации, для которых этот источник исходных генотипов ценней любого месторождения минеральных ископаемых. Есть более простые способы получить уран в Африке! К тому же шума в прессе корпорации точно не любят. Да и не получится сфальсифицировать почти сотню таких нападений. У нас, знаете ли, тут каждый акр под наблюдением.

— Если у корпораций есть свои люди среди сотрудников заповедника, то ваши телекамеры будут показывать совсем не то, что происходит на самом деле. Может, скоро и живого динозавра увидите...

— Все это хорошо, Эмма, но подумайте, если спецслужбы решили провернуть такую аферу, то им лучше вербовать не моих сотрудников, а самого меня. Вот вы пришли поговорить со мной о заговоре, а может быть, я его здесь и возглавляю?

Эмма резко повернулась и, простучав каблуками вниз по лестнице, понеслась к своему бунгалу.

Хэл вздохнул и тоже стал спускаться с площадки. Смеркалось, приятно веяло прохладой. Да, странные мысли порхают в голове у этой девицы. Однако тут скорее сам станешь конспирологом, чем поверишь в живых динозавров. В конце концов, что мешает одному из его егерей подменять видеозаписи, пока второй в это время таранит несчастных животных фургонном с навинченной механической пастью. А дальше — чистая коммерция. За тонну мяса любую соседнюю деревню купишь с потрохами, а если сумеешь вывезти слонятину в Европу или Китай — там она в элитных ресторанах стоит столько, сколько раньше слоновьи бивни. Хотя уж больно хитра задумка для его парней. Если только их действительно не надомнил кто-то из нынешних гостей. Выходит, Эмма права? Пожалуй, за господами учеными надо проследить.

— Гишу говорит, его редактор и цента не даст за статью о кабане, пусть и доисторическом, — зевнул Алан. — Требуется, чтобы обязательно был динозавр.

Франц повернулся от монитора:

— Все ищут чудовище среди давно вымерших животных. А это, возможно, новое существо.

— Что ж... В Африке постоянно открывают новые виды. Обычно насекомых и прочей мелочи. Но если предположить, что мелкие, а потому незаметные существа в нужный момент собираются в крупный колониальный организм...

— Единственная здравая мысль у вас, Алан, что наш клиент малозаметен. Но скрытен он не по природе, а по поведению. Он не может спрятаться, потому что слишком большой, но тем не менее его никто не видит. Я просматривал съемку перед нападением. Никакой тревоги, обеспокоенности у пасущихся рядом животных, хотя африканские копытные очень внимательны к опасности. Хищник затаивался и нападал только на отошедших, без свидетелей. Предпочитал молодых слоних с детенышами. При этом остальные слоны даже не замечают этих нападений. Он постоянно следит и выжидает. Я даже думаю, это существо наблюдало за нами, когда мы выезжали в саванну. У вас не было такого ощущения, что кто-то смотрит вам в спину?

Не дождавшись ответа, Франц вернулся к ноутбуку.

Он продолжал работать, забыв о времени, потом вдруг остановился и произнес:

— Неужели все так просто! Алан, кажется, я понял. Мы не видели самого очевидного!

Он оглянулся, но Алан уже спал, откинувшись в кресле. Франц подошел, однако в последний момент передумал будить. Какие у него, собственно, аргументы? Нужны доказательства, но это создание слишком умно и осторожно, чтобы выдать себя. Франц несколько раз прошел по комнате, потом рассмеялся. Есть следы, которые невозможно скрыть. Только бы успеть!

Вездеходы на базе были армейской модели, заводились без ключа и имели простейшее управление. Впрочем, Франц вряд ли нашел бы дорогу в ночной саванне, если бы не догадался включить курсограф повтора последней поездки. Он остановил машину, не доезжая до места, где они осматривали утром убитого жирафа. Франц отыскал слоновью тропу и пошел, подсвечивая под ноги фонариком. Скоро он перестал опасно вздрагивать от каждого далекого крика или близкого шороха, наполнявших ночную тишину. Увлеченный делом, он добрался до русла высохшей речушки. На белевшем в лунном свете песке выделялись темные глыбы слонов. Одни, нагнувшись, копали бивнями ямы, чтобы добраться до воды, другие оципывали хоботами ветки прибрежных деревьев. Тут наконец он нашел искомое. То есть думал, что нашел. Окончательно это станет ясно в лаборатории. Наполнив баночку, Франц выпрямился и впервые огляделся вокруг. Он заметил, что несколько слонов повернули головы в его сторону. Они не проявляли агрессии или беспокойства, только обмахивались ушами. Интересно, хищник сейчас тоже наблюдает за ним? Понимает ли он, что делает человек и чем в дальнейшем это может угрожать ему?

Франц пошел назад, к машине. Внезапно справа, в стороне, он услышал тяжелые шаги, от которых сотрясалась почва. Над зубчатой тенью кустарника мелькнула еще более темная быстрая тень, на мгновение заслонив звезды. Ученый сглотнул пересохшим горлом. Чудовище видело его днем и узнало сейчас. Но почему оно не напало? Ответ очевиден. Франц не успел отойти далеко от стада, и хищник не осмелился расправиться с ним на глазах у слонов. Наверное, решил ждать его в засаде у вездехода. Франц быстро вернулся к речному руслу. Здесь он в безопасности. Его заметит дрон, и тогда придет помощь.

Когда небо над головой посветлело, а на синих облаках на востоке появились розовые мазки, издали послышался приближающийся звук мотора. Франц мгновенно проснулся и вскочил с валуна, на котором продремал, скрючившись, последние два часа. Между деревьев промелькнули яркие полосы света фар.

— Эй! Эй! Я здесь! — крикнул ученый что есть силы и бросился в ту сторону.

Кар затормозил. Дверца распахнулась, из машины выпрыгнул хмурый Хэл.

— Ну! Где ваши сообщники? — бросил он вместо приветствия.

— Какие сообщники? — спросил ошарашенно ученый.

— На встречу с которыми вы отправились среди ночи. Хотели организовать новое нападение этого вашего энтелодонта?

— Это не энтелодонт!

В сером предутреннем свете вокруг открывались, совсем близко, густые высокие заросли, а слонов или

других животных было не видно. Францу стало страшно.

— Хэл! Он может быть рядом!

Инспектор захохотал:

— Напугали! Дая только что получил снимок с патрульного дрона. Здесь нет никого, кроме десятка слонов.

— Вы не понимаете! Он не тот, кем выглядит...

Из кустов молочая, у которых остановился Хэл, будто выстрелила черная молния. Обвилась вокруг инспектора и вздернула вверх, потащила в чашу, где среди колючих веток задвигалось что-то огромное, тяжелое и неимоверно сильное. Франц услышал сдавленный крик и тут же жуткий хруст ребер в челюстях монстра. Ученый повернулся и побужал, понимая, что жить ему осталось секунды. Эта тварь не оставляет свидетелей. Он успел выхватить банку с образцом и отшвырнул ее прочь. Авось не найдет!

Первый удар сбил его с ног, второй — раздавил голову. Франц даже не успел понять, что он уже мертв.

Когда на базу привезли тела, Эмма, Гишу и Алан сидели за нетронутым обедом. Сходить взглянуть на погибших решил один Алан. Он вернулся с маленькой банкой в руках. Пояснил:

— Отдал егеря. Нашли недалеко от Франца. Видимо, его вещь.

— На них напал тот же зверь? — спросил Гишу.

— А кто еще? Инспектора, считай, пополам перекусил, а...

— Не надо этих подробностей! — крикнула Эмма.

— Мне кажется, Франц догадался, кто это.

— И унес свою тайну в могилу, — нервно хихикнул Гишу, но тут же примолк под взглядом Алана.

— Может быть, и нет... Никогда не прощу, что заснул, когда Франц продолжал работать. И не успокоюсь, пока не найду и не убью!

— Над чем он работал? — спросила Эмма без особого интереса.

— Франц? Я просмотрел последние запросы. Как ни странно, он интересовался моржами.

— Моржами? — искренне удивился Гишу. — В Африке есть моржи? И они ведь, кажется, вообще не хищники, ракушки едят.

— Есть и плотоядные. Как раз по ним Франц и искал информацию. Когда у моржей заканчивается обычная пища, некоторые переходят на рыбу, тюленей, даже атакуют китов, застрявших на мелководье. Отрывают от них бивнями куски мяса и пожирают. Другие едят, что хищные моржи едят и там, где обычные вполне находят себе пропитание. И хищные на нормальных тоже охотятся. Будто вообще у них два разных вида образовалось. У хищных телосложение иное и строение зубов отклоняется от нормы. Впрочем, морфологически все моржи — хищники. Дальние родственники медведей. Может, у кого-то из них так генетическая память просыпается.

— Так что в банке-то? — спросил Гишу и тут же сам открыл крышку.

Эмма зажала нос:

— Фу!

— Дерьмо! — констатировал Гишу. — Последняя шутка покойного.

— Непохоже на Франца. — Алан закрыл банку и встал из-за стола. — Я в лабораторию.

— Можете объяснить, куда мы едем? — спросила Эмма.

— А зачем вы поехали? — отозвался Алан. — Я ведь просил вас остаться на базе.

— Ну нет! Я все-таки журналист. Раз я уже тут, мой долг провести расследование.

— Тогда не выходите из машины. Думаю, с каром он не справится.

— Кто он?

Алан оставил вопрос без ответа. Он извлек из-за сиденья массивную, некрасиво толстую двустволку. Когда-то он стрелял из похожего слобоя, и ощущения, помнится, были неприятными. Отдача штуцера-нитроэксpressa шестисотого калибра похожа на удар боксера-профи. Может сбить с ног. А может сломать ребро или челюсть. Алан открыл затвор, с усилием переломил ружье и вставил в стволы матово блестящие патроны, похожие на сигары в цилиндрических футлярах. Такие способны свалить и тираннозавра. Неслучайно именно шестисотый калибр в фантастических книжках брали на охоту в юрский период. Но тирекс был тупой тварью, а его нынешний враг далеко не глуп.

Глядя на приготовления Алана, сидевший за рулем Гишу тоже вытянул из чехла и поставил рядом с собой элегантный ремингтон. Длинноствольная винтовка смотрелась куда лучше уродливого гринера. Внешность, как всегда, была обманчива. Конечно, опытный стрелок может подстрелить из такого карабина антилопу на расстоянии мили. Но когда ты палишь в упор в несущегося на тебя носорога, трехсотый калибр превращается в бесполезную игрушку.

— Скажите, наконец, кого мы ищем?

Алан открыл верхний люк и, встав на сиденье, вылез наружу по пояс. Чтобы ответить, он отвернулся от бьющего в лицо горячего пыльного ветра.

— Убийцу Франца и Хэла. Я надеюсь, мне удастся заставить его открыться. Гишу, видите слоновье стадо? Рулите к нему!

— А это не опасно?

— Безусловно. Но днем мы для него опасней, чем он для нас ночью.

— Для кого? О ком вы?

— Спокойно, Эмма! Я уверен, чудовище именно там.

— Послушайте, Алан, это сумасшествие. Там одни слоны, никто среди них не прячется. А если бы и прятался, они не потеряют чужого.

— Он там! И он выдаст себя, когда поймет, что я знаю, кто он на самом деле! И что выхода у него нет. Я буду следить за ним и разоблачу его, так или иначе. Гишу, давайте еще ближе. У него плохое зрение, а надо, чтобы он увидел и узнал.

Алан достал баночку Франца и поднял ее в вытянутой руке. Слоны сгрудились в плотную кучу, пятясь от подъезжавшей к ним машины.

— Гишу, стоп!

Кар остановился.

В следующий миг волк сбросил овечью шкуру.

Алан видел атаки слонов. Обычно животное стремится лишь напугать и отогнать противника. Только если враг не отступает, слон бросается в схватку. На этот раз все было иначе. Обычный на вид самец, не молодой, но и не старый, с недлинными прямыми бивнями. Только что спокойно стоял, неразличимый в общей массе, и вдруг рванул с места вперед. Никакого трубного рева, хлопанья ушами и трясения головой, как принято у атакующих слонов. Только стремительный бег огромной серой туши. Слон мчался к машине завораживающе плавной рысью, с каждой секундой вырастая все больше, нависнув уже над верхом кабины.

Эмма завизжала.

Алан бросил банку, схватил штуцер, лихорадочно нащупывая рычажок предохранителя.

— Гишу! Задний ход!

Вместо этого репортер распахнул дверцу и выскочил с винтовкой наружу, но зацепился ружейным ремнем за дверцу. Гишу бешено дергал застрявший карабин, потом кинулся прочь от машины. Слон развернулся и ловко подхватил его хоботом, занес над бивнями.

Алан выстрелил из правого ствола.

БУУУУУМ!!!

Выстрел громыхнул, как из пушки. Отдача больно бросила спиной на срез люка. Ударила в плечо, будто лягнула лошадь.

Гишу неподвижно лежал на земле у передних ног слона. Пуля ушла тому в ляжку, забрызгав кровью круп. Но монстр устоял, только медленно покачивался, будто в недоумении, похоже, парализованный ударом.

Алан выпрыгнул из машины, подбежал к репортеру и потащил его одной рукой, сжимая в другой ружье. Потом перехватил штуцер и разрядил левый ствол в упор под хобот.

БУУУУУМ!!!

Опять оглушающий грохот и невыносимая, выдирающая руку из плеча отдача. Слон стал заваливаться назад, но через секунду выпрямился, буравя Алана взглядом. Его пасть и грудь заливали потоки крови. Алан переломил ружье, выбросил гильзы из дымящихся стволов. Потянулся к шляпе, за ее тульей были приготовлены еще два патрона. Шляпы на голове не было! Потерял, пока выбирался из машины... Слон шагнул вперед, занося хобот. Алан мог только смотреть, сжимая раскрытый штуцер.

БААМ!

Эмма забралась на капот вездехода, почти касаясь огромного уха стволом карабина. Быстро передернула затвор, выщелкнув гильзу, прицелилась и выстрелила снова.

БААМ!

Снова клацнул затвор. Огромный зверь медленно повернулся к машине. Маленькие винтовочные пули скользили по толстому черепу, только рассекая кожу...

— Эмма, беги! — отчаянно выкрикнул Алан, подбегая к монстру и колотя его прикладом ружья, как дубиной, по развороченной первым выстрелом задней ноге.

Он еле успел отскочить назад, когда огромный хищник пошатнулся и опрокинулся набок после таранного удара другого слона.

Старик смотрел сверху вниз на мертвого Оди́нца. Рядом два маленьких человека пытались поднять лежащего третьего. Старик не слышал, не понимал их мыслей, но благосклонно кивнул им головой. И в человеческой семье бывают разумные особи. Хорошо, что Старик успел понять это прежде, чем остальные бросились на людей, защищая Оди́нца.

Оди́нца, оказавшегося Пожирателем.

— Жалко Гишу! — Эмма крутила между пальцев соломинку от коктейля.

— Гишу? — удивился Алан, подняв глаза от расписания вылетов.

— Ему редактор вернул статью. Рядовая, мол, история про слоновье бешенство. А что слон был плотоядный — то, дескать, детали.

ФАНТАСТИКА

— Дурак редактор. Как я был дурак, пока не ткнули носом в экскременты. Это не бешенство, не болезнь. Бешеный слон убивает и топчет все вокруг, пока его не пристрелят или пока сам не издохнет. А слон-хищник вполне себе преуспевал. Правда, мне вот тоже говорят, что дело скорее в патологии. Плохо, что я ему челюсти раздробил вторым выстрелом. Теперь не узнаем, может, он с дефектом зубов родился. Неудобно такими листья и ветки жевать. Вот этот и стал пробовать животную пищу, она помягче растительной. Хотя, на мой взгляд, дело скорее в засухе. Зеленого корма стало меньше, пришлось чем-то замещать. В принципе, переход к хищничеству травоядных в таких ситуациях вещь известная. У бегемотов описаны подобные случаи, у оленей. Пищеварительная система позволяет. Это хищникам трудно с мяса на зелень переориентироваться. Главная сложность тут — поумнеть надо. За добычей гоняться — не травку щипать. Но слон по интеллекту как бы не вровень с шимпанзе и дельфинами.

— Значит, все может повториться. Засуха будет только усиливаться, мы сами этому способствуем. И среди слонов будут снова появляться хищники... Да еще какие! Были времена, когда из-за львов-людоедов целые местности становились безлюдными, а хищный слон будет страшнее любого льва. Да что там льва! С живым тираннозавром хлопот было бы меньше. Такого умного, хитрого и опасного зверя никогда прежде не существовало!

— Новый хищник, Эмма, еще не все. Плотоядность — это всегда новый уровень интеллекта. Но если к хищничеству переходят на стадии предразума? Монстр ведь не только нас за нос водил. Другие слоны, что рядом паслись, тоже не могли понять, кто у них молодых самок с детенышами губит. Он научился убивать, убивать своих ближних — не в гневе или защищаясь, это у слонов бывает, а на собственную потребу! Научился скрывать свой истинный облик, обманывать, лгать. Вот какой психологический аспект. Моральный, если так можно сказать про животное. Или уже не животное. Знаешь, ведь было однажды такое в Африке. Когда милые австралопитеки вдруг стали убивать и пожирать друг друга, а заодно — более слабых зверей. Может, здесь снова возникает разум. Чудовищный разум! Почти такой же, как наш.

